

DOI 10.25991/VRHGA.2023.2.2.007

УДК 1(091)

С. Н. Корсаков, А. В. Черняев*

К 80-летию создания первой в СССР «Истории русской философии»

**ПРОЕКТ РУССКОГО ТОМА В СОСТАВЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
«ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ» 1943 Г.
И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИКО-
ФИЛОСОФСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В СССР
(Статья первая)**

Рассматривается вопрос о неопубликованном томе в составе многотомной академической «Истории философии», который был посвящен истории русской философии и создавался в Институте философии АН СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943). Этот том должен был стать первым в СССР коллективным научным трудом по истории русской философии, подчиненным единой методологической концепции и максимально полным по хронологическому и тематическому охвату материала. Освещается историография вопроса и исторические события, в контексте которых шла подготовка тома. Уделяется внимание критике, которой рукопись тома подверглась после Постановления ЦК ВКП(б) 1944 г., которое привело к прекращению издания «Истории философии». На основе анализа печатных источников, мемуарных свидетельств, документов из фонда Института философии в Архиве РАН воссоздается картина работы над томом. Приводятся новые сведения об авторах тома и его содержании, выявляется эволюция концепции проекта от «Истории философии народов СССР» к «Истории русской философии».

Ключевые слова: история русской философии, Институт философии АН СССР, Г. Ф. Александров, Б. Э. Быховский, В. И. Светлов, М. Т. Иовчук.

* Корсаков Сергей Николаевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; snkorsakov@yandex.ru

Черняев Анатолий Владимирович, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН; Chernyaevphd@gmail.com

Anatoly V. Chernyaev, Sergey N. Korsakov
To the 80th anniversary of the creation of the first in the USSR
«History of Russian Philosophy»

FORMATION OF NATIONAL HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL
SELF-CONSCIOUSNESS: PROJECT OF A VOLUME ON RUSSIAN PHILOSOPHY
AS PART OF THE ACADEMIC HISTORY OF PHILOSOPHY IN 1943 (ARTICLE ONE)

The issue of an unpublished volume as part of the multi-volume academic «History of Philosophy», which was devoted to the history of Russian philosophy and was created at the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences in the early years of the Great Patriotic War (1941–1943), is considered. This volume was to become the first in the USSR collective scientific work on the history of Russian philosophy, subject to a single methodological concept and as complete as possible in terms of chronological and thematic coverage of the material. The historiography of the issue and the historical events in the context of which the volume was prepared are highlighted. Attention is paid to the criticism that the manuscript of the volume was subjected to after the Decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of 1944, which led to the termination of the publication of the History of Philosophy. Based on the analysis of printed sources, memoirs, documents from the collection of the Institute of Philosophy in the Archives of the Russian Academy of Sciences, a picture of the work on the volume is recreated. New information about the authors of the volume and its content is given, the evolution of the project concept from the «History of the Philosophy of the Peoples of the USSR» to the «History of Russian Philosophy» is traced.

Keywords: history of Russian Philosophy, Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR, Georgy Alexandrov, Bernard Bykhovskiy, Vasily Svetlov, Mikhail Iovchuk.

Среди факторов, формирующих российскую идентичность, важное значение принадлежит такому элементу исторической памяти, как знание и понимание наследия русской философии. Это наследие составляет неотъемлемую часть национального достояния и вместе с тем теоретический ресурс для осмысления и решения насущных социальных, политических, культурологических вопросов. Начиная с середины XIX в. по мере развития национального самосознания в России в решающие для ее судеб периоды создаются труды по истории русской мысли, призванные дать ответы на исторические вызовы через актуализацию отечественного философского наследия. Не случайно, что в первые десятилетия XX в., ознаменованные революционными событиями и потрясениями Первой мировой войны, появляется обширная литература, посвященная истории русской философии и творческим биографиям русских мыслителей, новое прочтение которых помогало осознать пути и идеалы развития страны и общества. В свою очередь, многие философы русского послеоктябрьского зарубежья обращаются к созданию трудов по истории русской мысли, руководствуясь стремлением понять драматическую судьбу России и русской культуры в XX в.

В СССР возрождение интереса к наследию русской философии, как и национальной культуры в целом, начинается в преддверии Великой Отечественной войны и достигает кульминации в военные годы, когда национальное наследие стало востребовано в качестве незаменимого источника патриотического сознания народа [см.: 21]. Начало формирования традиции изучения русской философии как научной дисциплины и учебного предмета в СССР

относится к 1930-м гг. и связано с деятельностью академика И. К. Луппола, который с 1933 г. заведовал кафедрой истории философии Института красной профессуры философии и сектором истории философии Института философии Коммунистической академии (с 1936 г. — АН СССР). Он внес вклад в разработку программы первого в СССР учебного курса по истории русской философии, формирование преподавательского коллектива для чтения этого курса и организацию процесса подготовки научных кадров со специализацией по истории русской философии. Под руководством И. К. Луппола была начата работа по реализации таких крупных научно-издательских проектов, как книжная серия «Классики русской философии» и многотомный коллективный труд «История философии», один из томов которой предполагалось посвятить истории философии народов СССР [см.: 12]. Однако после перевода И. К. Луппола в Институт мировой литературы им. А. М. Горького его участие в историко-философских предприятиях сократилось. Тома академической «Истории философии» готовились на базе Института философии АН СССР под редакцией Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина и П. Ф. Юдина.

Всего в 1940–1943 гг. были опубликованы три тома «Истории философии», «оставшиеся в памяти многих поколений советских студентов-философов как «серая лошадь» — на экзаменах вывозит» [4, с. 632]. Процесс издания оборвался после принятия в мае 1944 г. Постановления ЦК ВКП(б) о третьем томе. Данное Постановление было инспирировано письмом Сталину профессора МГУ З. Я. Белецкого, где он указывал на такие пороки «Истории философии», как изложение материала без политической заостренности и положительная оценка немецкой классической философии, которая послужила одним из источников реакционной идеологии милитаризма и фашизма. Само Постановление не публиковалось, но его основные положения были изложены в редакционной статье в журнале «Большевик» [14], которая была перепечатана во всех советских общественно-политических журналах. Принятие Постановления ЦК привело к замене руководителей главных философских учреждений (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Институт философии АН СССР, философский факультет МГУ, журнал «Под знаменем марксизма»), отмене решения о присуждении Сталинской премии за третий том «Истории философии» и прекращению дальнейшего выпуска издания, том которого, посвященный русской философии, практически готовый, в результате так и не вышел из печати.

Острые идеологической критики было направлено на ошибочную трактовку немецкой классической философии, однако эти обвинения увязывались с указаниями, как следует освещать историю русской философии, ее место в мировом историко-философском процессе и, в частности, ее соотношение с западноевропейской философией. Вопрос был специально рассмотрен ново-назначенным директором Института философии АН СССР В. И. Светловым в статье, опубликованной в «Вестнике Академии наук СССР», и в выступлении на открытом партсобрании Института философии 28 июня 1944 г. [2, ед. хр. 146]. Обращаясь к содержанию рукописи тома по истории русской философии, Светлов усматривал его «крупнейший недостаток» в том, что там в отношении революционных демократов не показано, что «эти русские мыслители остави-

ли позади себя Гегеля и Фейербаха, были на голову выше Гегеля и Фейербаха и ближе всех других подошли к диалектическому материализму» [17, с. 29]. По словам Светлова, в томе «почти совершенно отсутствует указание на самостоятельность и оригинальность русской философии, а вместо этого сквозит неправильная линия — что русская философия стала передовой только благодаря немецкой философии» [17, с. 28–29]. Автора возмущало, что в тексте «восхвалялись прямые изменники русской земли, как, например, князь Курбский, и в то же время умалялась роль Ивана IV» [17, с. 29]. Положительная оценка философии В. С. Соловьева была признана Светловым ошибочной на том основании, что Соловьев «перенес на русскую почву западноевропейские реакционные философские взгляды» [17, с. 29]. По-видимому, утверждение о том, кто кого «на голову выше», — отсылка к одному из любимых риторических оборотов Сталина.

В адрес авторского коллектива тома, посвященного русской философии, Светловым были предъявлены претензии не только содержательного, но также и научно-организационного характера: по его словам, в тексте были обнаружены «серьезные ошибки», и он был сдан «в совершенно сыром, недобросовестном виде». Причем, по версии Светлова, это выяснилось, когда рукопись была представлена на соискание Сталинской премии [17, с. 28]. Об этом же спустя полвека вспоминал З. А. Каменский: будто бы редколлегия надеялась, что представленный в Комитет по Сталинским премиям том будет напечатан раньше, чем состоится положительное решение о присуждении премии [10, с. 211]. Если подобное нарушение порядка действительно имело место, оно могло усугубить ситуацию. Светлов также утверждал, что том

не был подвергнут при подготовке никакому коллективному обсуждению даже в стенах Института, на дирекции и Ученом совете не рассматривался и не утверждался, ни разу не был созван авторский коллектив авторов тома, авторы отдельных глав не знали, кто пишет соседнюю главу, а некоторые авторы даже не знали, что их старые работы включены в том: это было сделано без их разрешения [17, с. 28].

Наконец, на институтском партсобрании Светлов сделал вывод, что Институт вообще до сих пор не занимался разработкой вопросов истории русской философии [2, ед. хр. 146, л. 1–6].

Своим назначением на пост директора Института философии АН СССР В. И. Светлов был обязан Г. Ф. Александрову, сторонники которого в процессе ротации руководящих философских кадров после Постановления ЦК смогли занять ключевые должности в центральных философских учреждениях. Так, директором ИМЭЛ стал В. С. Кружков, главным редактором журнала «Под знаменем марксизма» — М. Т. Иовчук, заведующим сектором истории философии Института философии АН СССР — Г. С. Васецкий. Показательно, что все они были историками русской философии и после принятия Постановления ЦК активно выступали в печати и перед различными аудиториями, где пропагандировали основные положения Постановления и демонстрировали готовность неуклонно следовать им в своей деятельности, исправляя ошибки предшественников. Лейтмотив этих выступлений составляли тезисы о том, что новое философское руководство положило конец недооценке русской

философии в мировом философском наследии и ее трактовке в качестве «ученицы» западной философии; что наряду с классической немецкой философией существует классическая русская философия; что в силу особенностей исторического развития России русская философия включает в себя не только специализированные философские труды, но также произведения литературы и публицистики, в которых затрагиваются мировоззренческие вопросы; что материалистическая традиция составляет магистральную линию русской философии, но даже русский идеализм прогрессивнее, чем западный, а русская материалистическая философия явилась, наряду с марксизмом, одним из источников ленинизма.

Опираясь на Постановление ЦК, актуальную исследовательскую программу по истории русской философии с учетом «ошибок» авторского коллектива соответствующего тома «Истории философии» в развернутом виде изложил М. Т. Иовчук. В лекции в Колонном зале Дома Союзов 30 июня 1944 г., опубликованной затем в теоретическом органе ЦК ВКП(б) — журнале «Большевик», он подробно обосновывал тезис, что ленинизм имеет своим источником, наряду с марксизмом, и «классическую русскую философию XIX века» и что вообще ленинизм является «законным результатом всей многовековой русской и мировой культуры» [7, с. 16]. При этом Иовчук заходил достаточно далеко, утверждая, что

классическая русская философия основана на материалистической теории и на диалектическом методе, отличном от диалектического метода Гегеля... Наши русские мыслители пришли к выводу, что философия немецких идеалистов принадлежит прошлому, что необходимо создание новой логики, новой науки о мышлении... В отличие от всей домарксовской философии в Западной Европе они пришли к выводу о необходимости сочетать материализм с диалектической идеей развития [7, с. 21, 24].

Ранее, говорил Иовчук, русских мыслителей рассматривали «лишь как подражателей философских систем Западной Европы» [7, с. 17].

Реакционные историки русской философии (Яковенко, Шпет, Радлов и др.) объявляли выразителями национального самосознания русского народа идеалистов — архимандрита Гавриила, Юркевича, Мережковского, в некоторой мере Вл. Соловьева, Лопатина и др. [7, с. 17].

Но эти философы были связаны с господствующей в царской России идеологией, которая санкционировала отсталость страны и ее зависимость от Запада. Вообще же, по мнению Иовчука,

в России не было сколько-нибудь крупных и оригинальных идеалистических философских систем... Идеалистические системы в России не выражали национального самосознания нашего народа и не могли сделать эпохи в развитии русской культуры [7, с. 19].

Аргумент Иовчука в пользу тезиса о том, что русское национальное самосознание выражает материалистическая философия, связан с его тезисом о ней как втором источнике ленинизма. В России в силу ее запаздывающего развития буржуазия была реакционным классом и не могла быть гегемоном

в назревшей буржуазной революции. Поэтому, в отличие от Запада, передовая русская философская мысль, стремившаяся к обновлению страны, не могла быть связана с общественной деятельностью буржуазии. Соответственно, заслугой «классической русской философии» была «борьба против русских шеллингианцев и гегельянцев Давыдова, Каткова, Шевырева, Погодина, Жеребцова, правых славянофилов и ряда других», которые транслировали «реакционные теории немецких идеалистов, занесенные с Запада» [7, с. 26].

Определяя генезис русской философии, Иовчук утверждал, что «она зародилась в XV–XVII веках, в период зарождения русского многонационального централизованного государства»; к ее источникам он отнес «прогрессивные политические устремления» тех, кто хотел вывести Россию «на передовое место в Европе», а также ереси, оппозиционные господствовавшей церковной идеологии [7, с. 18]. Иовчук истолковывал как достоинство русской мысли то, что принято было относить к признакам ее неразвитости: ранее, говорил он, считалось, что многие русские мыслители «не являются философами на том основании, что они либо естествоиспытатели, либо литературные критики и публицисты» [7, с. 17]. Но в этом и заключается своеобразие философии в России, связанное как с действием цензурных ограничений, так и с большей практической ориентированностью русской философии.

Главный тезис Иовчука заключался в том, что «классическая русская философия имеет не только чисто русское, но всемирно-историческое значение» [7, с. 28]. Ее представители осознали «великую миссию русского народа, собственные национальные интересы которого отнюдь не противоречат интересам всего человечества» [7, с. 28]. Вместо ложной альтернативы «догматически заимствовать достижения западноевропейской цивилизации или идти своим «самобытным» изолированным путем» эта философия предлагает создать в России «более передовой и более отвечающий интересам народных масс общественный строй, чем западноевропейская цивилизация». Таким образом, Россия становится примером для других стран [7, с. 28].

Тезис о ленинизме как «законном и высшем результате развития русской культуры» и его всемирно-историческом значении Иовчук развил далее в статье в журнале «Большевик» [8, с. 35, 36] и прочитанной на ее основе 26 февраля 1946 г. еще одной публичной лекции в Колонном зале Дома Союзов [9].

Деятели русской прогрессивной культуры вселили в сознание русского общества веру в великое будущее России, уверенность в том, что русский народ может создать такую же, если не более могучую материальную и духовную цивилизацию, какую создали западноевропейские страны.

Поэтому «именно народы России должны стать передовым отрядом всего человечества» [8, с. 40, 41]. Ленинизм реализует эту возможность, принимая эстафету от русской материалистической философии. В подтверждение Иовчук ссылался на слова Ленина из добавления к первому параграфу четвертой главы «Материализма и эмпириокритицизма», где Ленин восхищается идеями Н. Г. Чернышевского и ставит его на один уровень с Энгельсом [8, с. 46]. Впоследствии, в 1949 г., концепция Иовчука о русской философии как втором источнике ленинизма была осуждена идеологическими руководителями ЦК

ВКП(б) в лице М. А. Суслова, Д. Т. Шепилова и Л. Ф. Ильичева как отступление от марксизма-ленинизма (ибо у ленинизма может быть только один источник — марксизм), а сам Иовчук был переведен на Урал, где оставался до 1953 г., занимаясь научной работой [20, с. 456–457, 446–447].

«Бывают странные сближенья». В то же самое время, когда высокопоставленный советский философ М. Т. Иовчук выступал с вышеизложенными тезисами, аналогичные идеи развивал его политический антипод Н. В. Валентинов — бывший большевик, перешедший на сторону борцов с коммунистическим «тоталитаризмом». Сначала в 1951 г. в нью-йоркском «Новом журнале», а затем в книге, вышедшей в 1953 г. в издательстве Chekhov Publishing House, основанном Фондом Кеннана в рамках программы правительства США по идеологической борьбе против Советского Союза и получавшем финансирование от ЦРУ [19, с. 208]. Возмущаясь фальшью «казенных биографий» Ленина, Валентинов вопрошал:

Кто сей человек, сыгравший такую роль в новейшей истории мира? Он не появился как *deus ex machina*. Так не бывает. У него есть предшественники. Под идейным влиянием каких предшественников произошла его духовная и политическая формация? Все говорят: влияние Маркса. Одного ли Маркса? Не было ли глубокого и властного влияния кого-то до Маркса, внушившего то, что ни Маркс, ни Энгельс внушить ему не могли [6, с. 498].

Валентинов писал, что Ленин воспринял марксизм и критиковал народничество, но делал это не догматически — как легальные марксисты и меньшевики, копировавшие западный путь и отрицавшие диалектику. Через Чернышевского и других классиков народничества Ленин воспринял мысль о философии как единстве материализма и диалектики, об особом пути России, благодаря чему в ней капиталистическая стадия может быть пройдена быстро, а гегемоном не только социалистической, но и буржуазной революции может и должен быть пролетариат, в который вносят социалистическое сознание «новые люди».

Под влиянием произведений Чернышевского Ленин, к моменту встречи с марксизмом, оказался уже крепко вооруженным некоторыми революционными идеями, составившими специфические черты его политической физиономии именно как Ленина [6, с. 75].

Валентинов аргументировал свое видение, обращаясь к предыстории формирования взглядов самого Чернышевского, в которых мыслительные приемы и нравственные идеалы, полученные в духовной семинарии, соединились с русифицированными теориями якобинцев и западных коммунистов-утопистов. Характерно, что в подтверждение своих выводов Валентинов ссылаясь на ту же цитату из добавления о Чернышевском к «Материализму и эмпириокритицизму», на которую ссылаясь также и Иовчук [6, с. 505–506].

* * *

В результате серии выступлений ставленников Г. Ф. Александрова представление, что до Постановления ЦК от 1 мая 1944 г. русская философия

в СССР недооценивалась и как следует не изучалась, стало стереотипом и вошло в историографию советской философии [см.: 3; 16; 18]. Однако до сих пор не было дано определенных ответов на три существенных вопроса. Во-первых, была ли к моменту прекращения издания «Истории философии» подготовлена рукопись тома, посвященного русской философии? Во-вторых, какова была в действительности концепция изложения истории русской философии в этом томе? И, в-третьих, как соотносились идеологические претензии, выдвинутые в адрес содержания рукописи авторами и пропагандистами Постановления ЦК, с реальным содержанием тома? Эти вопросы имеют немаловажное значение для понимания объективной картины становления истории русской философии как научной дисциплины в нашей стране в советский период, ибо посвященный русской философии том в составе академической «Истории философии» должен был стать первым коллективным научным трудом по данному предмету, подчиненным единой методологической концепции и максимально полным по хронологическому и тематическому охвату материала. При этом огромное значение имел сам процесс работы над этим томом, послуживший творческой лабораторией для формирования коллектива исследователей истории русской философии, многие из которых впоследствии продолжили работу в этой области, стали авторитетными специалистами и во многом определили облик советской историко-философской русистики.

По вопросу о степени готовности рукописи имеется мемуарное свидетельство одного из авторов — З. А. Каменского, который сообщает, что к 1944 г. написание тома было завершено; у Каменского сохранилась аннотация тома на 19 страницах с подписью Б. Э. Быховского — заведующего сектором истории философии Института философии, одного из титульных редакторов многотомной «Истории философии». Следуя этой аннотации, Каменский перечисляет названия глав тома и называет фамилии некоторых авторов: О. В. Трахтенберг (русская философия XV–XVII вв.), З. А. Каменский (натурфилософы, любомудры, Надеждин, Грановский, Бакунин, славянофилы), Б. Э. Быховский (Герцен), М. М. Розенталь (Чернышевский), В. Ф. Асмус (университетская философия, идеализм второй половины XIX в., Вл. Соловьев) [10, с. 204–209]. Примечательно, что, за исключением Каменского, все перечисленные авторы не являлись специалистами по русской философии. После смерти Каменского его архив поступил в Институт философии РАН. В составе архива должны быть и документы, связанные с работой над данным томом «Истории философии». Однако, поскольку научно-техническая обработка архива З. А. Каменского до сих пор не проведена, к сожалению, доказательно использовать эти документы в настоящее время невозможно. Зато обнаруженная научно-организационная документация 1942–1943 гг. фонда Института философии в Архиве РАН позволяет нам судить о степени готовности, содержании и концепции посвященного русской философии тома, а также об условиях и обстоятельствах работы над ним.

В каких условиях происходила работа над «Историей философии»? Непосредственно перед войной, в апрельском номере журнала «Вестник Академии наук СССР» за 1941 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и член редколлегии многотомной «Истории философии» Г. Ф. Александров

изложил план и основные принципы нового издания. Среди предполагаемых томов был назван и том, посвященный «истории философии СССР», с прилегающими к нему сюжетами по истории философии Грузии, Армении, Азербайджана и Украины. В перечне тем значились русская схоластика, Ломоносов, вольтерьянцы, Радищев и декабристы, Чаадаев, русское фикштеанство и шеллингианство, революционеры-демократы, «вульгарный материализм Писарева», народники (Лавров, Михайловский), анархизм (Бакунин, Кропоткин), толстовство, «идеалистическая реакция конца XIX века» (Соловьев, Лопатин, Трубецкой), неокантианство (Введенский и др.), махизм, позитивизм (Ковалевский, Де-Роберти), деятели естествознания [1, с. 54].

В июле 1941 г. часть сотрудников Института философии АН СССР, включая потенциальных авторов тома по истории русской философии и тех, кто был принят в Институт для работы над ним в апреле 1941 г., ушли в народное ополчение. В октябре 1941 г. большая часть сотрудников (до 80%) отбыла в эвакуацию в Алма-Ату и, преодолевая трудности военного времени, начала работать с февраля 1942 г. В плане работы алма-атинской группы Института значится распределение между сотрудниками отдельных глав тома по русской философии [2, ед. хр. 1230, л. 13]. Небольшая группа сотрудников Института осталась в Москве. Верхние этажи здания по Волхонке, 14, где располагался Институт, в июле 1941 г. были разрушены фашистской бомбой. Институт три раза переезжал из одного помещения в другое (Институт энергетики АН СССР, Фундаментальная библиотека АН СССР, ИМЭЛ). В 1943 г. снова пришлось переехать — из ИМЭЛ в Институт почвоведения АН СССР. При этом около двух месяцев Институт находился вообще вне какого-либо помещения. К январю 1944 г. Институт занимал три маленькие комнаты, расположенные в разных концах здания. В распоряжении сотрудников были только два стола и два стула. Не было возможности развернуть научный кабинет. Принадлежащий Институту книжный фонд, состоявший из 18 тыс. томов специально подобранной литературы (в том числе уникальной), был свален грудой в ванной комнате, портился от сырости и расхищался (расхищено было около трех тысяч ценных книг) [2, ед. хр. 121, л. 5; ед. хр. 140, л. 27].

В плане работы Института философии АН СССР на второе полугодие 1942 г. было расписано распределение авторства в томе по русской философии: Б. Э. Быховский — организация и редактирование; Э. Я. Кольман — «Мировоззрение русских математиков» (1 п. л.); А. А. Максимов — «Мировоззрение великих русских химиков» (1 п. л.); З. Я. Белецкий — «Мировоззрение великих русских биологов» (2 п. л.); В. Ф. Асмус — «Университетская философия второй половины XIX в. в России» (1 п. л.), «Философия Соловьева» (1 п. л.); Б. С. Чернышев — «Русское правое гегельянство» (1 п. л.), «Неокантианство в России» (1 п. л.), «Философские взгляды Пнина»; У. Я. Коган «Русские вольтерьянцы XVIII в.»; Б. Г. Сафронов — «Писарев»; З. В. Смирнова — «Белинский» (2 п. л.); Г. Г. Андреев — тема главы не указана, но это, несомненно, Лавров, герой кандидатской диссертации Андреева; Ф. М. Путинцев — «История атеизма в России» [2, ед. хр. 120, л. 7–7 об.]. Сроки сдачи текстов по каждому автору были определены разные, но чаще всего это ноябрь–декабрь 1942 г., иногда до того или иного месяца 1943 г. При беглом взгляде на это распределение видно, что

работа организовывалась исходя из реальных исследовательских возможностей, имевшихся в наличии, а не на основе составления систематизированного плана тома. Данное распределение можно считать предварительным. Более полную картину содержания тома в порядке его оглавления дает план работы Института на 1943 г. [2, ед. хр. 120, л. 1–3], где просматривается компоновка авторских текстов в рамках единого плана издания:

История русской философии (т. VI «Истории философии»)

Введение. Исторические условия развития философии в России (М. В. Нечкина)

Раздел I. Философские и социально-исторические идеи в XVI–XVII веках (Летописи. Влияние византийской философии. Киевская Могилянская коллегия. Славяно-греко-латинская академия. Борьба номинализма и реализма) (О. В. Трахтенберг)

Раздел II. Ломоносов (1711–1765) — основоположник светской философии и науки в России. Философское образование в Московском университете в XVIII веке (автор не указан)

Раздел III. Русское Просвещение

Глава I. Радищев (1749–1802) и Пнин (1773–1805) (У. Я. Коган)

Глава II. Вольнодумцы и масоны (У. Я. Коган)

Глава III. Философские и социальные идеи декабристов (З. А. Каменский)

Глава IV. Чаадаев (1794–1856) (З. А. Каменский)

Глава V. Кружок «любомудров» и смежные течения (З. А. Каменский)

Глава VI. Кружки Грановского и Станкевича (М. В. Резцова)

Раздел IV. Русская классическая философия

Глава I. Белинский (1811–1848) (З. В. Смирнова)

Глава II. Герцен (1812–1870) (Б. Э. Быховский)

Глава III. Огарев (1813–1877) (З. В. Смирнова)

Глава IV. Чернышевский (1828–1889) (автор не указан, согласно воспоминаниям З. А. Каменского, им был М. М. Розенталь)

Глава V. Добролюбов (1836–1861) (Л. А. Коган)

Раздел V. Философские и социально-исторические идеи славянофилов (Б. С. Чернышев)

Раздел VI. Основные идейные течения второй половины XIX в.

Глава I. Писарев (1840–1868) (Б. Г. Сафронов)

Глава II. Утопический социализм петрашевцев (Н. П. Троян)

Глава III. Антонович (1835–1918) (Л. А. Коган)

Глава IV. Университетская философия второй половины XIX в. (В. Ф. Асмус)

Глава V. Гегельянская школа второй половины XIX в. (Гогоцкий, Чичерин и др.) (Б. С. Чернышев)

Глава VI. Соловьев (1853–1900) и его школа (В. Ф. Асмус)

Глава VII. Лев Толстой (1828–1910) (В. Ф. Асмус)

Глава VIII. Анархизм (Бакунин, Кропоткин) (О. В. Трахтенберг)

Глава IX. Народничество (Лавров, Михайловский) (Г. М. Гак)

Раздел VII. Мировоззрение великих русских математиков и естествоиспытателей

Глава I. Математики (Лобачевский, Чебышев) (Э. Я. Кольман)

Глава II. Физики и химики (Менделеев, Умов, Столетов) (А. А. Максимов)

Глава III. Биологии физиологи (Мечников, Сеченов, Павлов, Тимирязев (З. Я. Белецкий)

Раздел VIII. Распространение марксизма в России во второй половине XIX в. (автор не указан)

Раздел IX. Идеалистическая реакция начала XX века

Глава I. Неокантианство (Струве, Введенский, Лапшин) (Б. С. Чернышев)

Глава II. Позитивизм (Ковалевский, Де-Роберти, Вырубов) (Б. Г. Сафронов)

Глава III. Эмпириокритицизм (Лесевич, Богданов и др.) (З. В. Смирнова)

Глава IV. Интуитивизм, символизм и мистицизм (Лосский, Шестов и др.) (В. Ф. Асмус)

Из указанных в плане-проспекте авторов в эвакуации находились Б. Э. Быховский, У. Я. Коган, Э. Я. Кольман, А. А. Максимов, З. В. Смирнова, О. В. Трахтенберг, в Москве — В. Ф. Асмус, М. М. Розенталь, Б. Г. Сафронов, Б. С. Чернышев, на фронте — З. А. Каменский (вернулся в 1942 г. по ранению), Л. А. Коган (демооблизован после войны), Н. П. Троян (погиб в 1941 г.). Б. Э. Быховский и З. В. Смирнова были вызваны в Москву из эвакуации в 1942 г., а полное воссоединение коллектива Института произошло в апреле 1943 г.

Работа по подготовке VI тома «Истории философии» стимулировала институтскую научно-исследовательскую работу по русской тематике в целом. В плане работы Института на 1943 г. мы видим брошюры Каменского о Чаадаеве и Быховского о Герцене (обе вышли) [5; 11], В. Ф. Берестнева «Ленин и Сталин о русской культуре». Запланированы статьи для журнала «Под знаменем марксизма»: Асмуса о Л. Н. Толстом, Каменского о П. Я. Чаадаеве, Сафронова о М. М. Ковалевском, Максимова о русских естествоиспытателях. Статьи Асмуса и Максимова вышли, у Сафронова же появилась в журнале другая статья — о Д. И. Писареве. В «Под знаменем марксизма» были опубликованы и другие статьи по русской философии. Среди защищенных в Институте диссертаций была докторская диссертация Розенталя о Чернышевском. Проводились научные заседания по русской тематике. На открытом заседании сектора истории философии заслушивался доклад Покровского «Политические течения в России в XVII–XVIII вв.» [2, ед. хр. 122, л. 8].

В соответствии с согласованным институтским руководством в 1943 г. планом, первый том «Ученых записок Института философии АН СССР» целиком должен был быть посвящен истории русской философии и включать статьи Трояна о петрашевцах, Каменского о Д. М. Велланском, Быховского о герценовской критике немецкой классической философии, Ф. Ф. Дучинского о русских дарвинистах, Асмуса об университетской философии 1870-х гг. [2, ед. хр. 122, л. 27]. Первый том «Ученых записок» вышел после войны и в итоге в нем оказалась только одна статья по русской философии (Г. С. Васецкого об А. И. Герцене). Директор Института П. Ф. Юдин сообщил, что Госполитиздат возобновляет серию избранных произведений «Классики русской философии»; решено было в первую очередь подготовить к изданию избранные произведения Белинского, Герцена и Антоновича [2, ед. хр. 141, л. 13об.].

Наряду с сектором истории философии в работу по изучению русской научной и философской мысли были включены и другие сектора. Сектор философских вопросов естествознания под руководством А. А. Максимова готовил коллективный труд «Очерки по истории естествознания в России» (40 п. л.). В работе участвовало около 35 авторов, главным образом не из Института.

В итоге работа выросла до 100 п. л. и не была издана [2, ед. хр. 141, л. 13 об.]. Позднее вышла индивидуальная монография Максимова на эту тему. Сектору диалектического материализма руководством Института поручено расширить план работы, включив в него тему «Очерк истории русской логики» [2, ед. хр. 122, л. 31]. Была намечена также работа по созданию истории социологии в России [2, ед. хр. 122, л. 34].

Сотрудники Института участвовали в чтении курса лекций по русской философии, который был организован созданной М. Т. Иовчуком кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ. В частности, в рамках этого курса З. А. Каменский читал лекции о Д. М. Велланском, М. Г. Павлове, Любомудрах, Н. И. Надеждине, П. Я. Чаадаеве. Он прочитал публичную лекцию о Чаадаеве в Лектории МГУ. Каменский вел подготовительную работу по изданию «Избранных философских сочинений» Чаадаева: написал предисловие (2 п. л.), подобрал тексты (15 п. л.), составил примечания (2,5–3 п. л.), частично составил именную указатель (ок. 1 п. л.). [2, ед. хр. 156, л. 8]. Институт заявлял русскую тематику и в общеакадемическом поле. На сессию АН СССР 1944 г. Институт представил доклады: В. Ф. Асмус «Из истории философской борьбы в России в 1870-х годах», Б. Э. Быховский «Критика Герценом немецкой классической философии», А. А. Максимов «Материалистическая традиция в русском естествознании XIX в.» [2, ед. хр. 122, л. 31].

В соответствии с вышеупомянутой статьей Александрова 1941 г., в предупреждении «От редакции» к первому тому издания сообщалось, что «История философии» рассчитана на семь томов, «том V — история философии народов СССР» [15, с. 3]. Однако в документах Института философии за 1942–1943 гг. этот том проходит уже под номером VI. В частности, план научно-исследовательской работы Института на 1943 г. предусматривал готовность тома VI объемом 50 п. л. к 1 декабря [2, ед. хр. 120, л. 4]. При этом как в указанном плане, так и в сообщении Б. Э. Быховского Ученому совету Института 28 декабря 1943 г. «о состоянии работы по VI тому» «Истории философии» речь ведется уже не об «Истории философии народов СССР», а о работе под названием «История русской философии» [2, ед. хр. 120, л. 1–3; 2, ед. хр. 131, л. 75]. Такое название было зафиксировано и на уровне Президиума АН СССР. В отчете главного ученого секретаря Н. Г. Бруевича о научной деятельности Академии за 1942 и первую половину 1943 г. на общем собрании в сентябре 1943 г. сообщалось: «Вышел III том «Истории философии», посвященный первой половине XIX в. В настоящее время ведется работа над IV томом «Марксистская философия» и над VI томом «История русской философии»» [13, с. 80.]. Более подробное рассмотрение документов, отражающих трансформацию концепции, структуры и содержания тома по русской философии, будет предложено во второй статье настоящего цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Г. Ф. История философии // Вестник АН СССР. — 1941. — № 4. — С. 52–57.

2. Архив РАН. Ф. 1922. Институт философии РАН. — Оп. 1. Управленческая документация Института философии РАН.
3. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Маневры на философском фронте: эпизоды 1940-х годов // Человек. — 1993. — № 2. — С. 99–116.
4. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник Российской Академии наук. — 1993. — Т. 63. — № 7. — С. 628–639.
5. Быховский Б. Э. Герцен и Россия: Стенограмма лекции, чит. 19 янв. 1946 г. — М.: Объединение гос. изд-в при Совете Министров СССР, 1946. — 23 с.
6. Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. — М.: ТЕРРА, 1993. — 560 с.
7. Иовчук М. Т. Классики русской философии XIX века // Большевик. — 1944. — № 12. — С. 16–29.
8. Иовчук М. Т. Ленинизм и передовая русская культура XIX века // Большевик. — 1945. — № 21. — С. 35–50.
9. Иовчук М. Т. Ленинизм и передовая русская культура XIX века. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 26 февраля 1946 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве / Всесоюзное лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР. — М.: Издательство «Правда», 1946. — 34 с.
10. Каменский З. А. Из истории изучения русской философской мысли в 40-х годах XX века (Воспоминания. Материалы личного архива) // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. — М., 1992. — Вып. 10. — С. 204–216.
11. Каменский З. А. П. Я. Чаадаев: (Русская мысль на пути от дворянского просветительства к идеологии демократии): Стенограмма лекции, чит. 24 нояб. 1945 г. — М.: Объединение гос. изд-в при Совете Министров СССР, 1946. — 70 с.
12. Корсаков С. Н. Иван Капитонович Луппол: ренессансный человек в тисках сталинского режима // Философский журнал. — 2013. — Т. № 1 (10). — С. 135–163.
13. Общее собрание Академии наук СССР, 25–30 сентября 1943 г. // Вестник АН СССР. — 1943. — № 9–10. — С. 77–89.
14. О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. (История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. Т. III. М., 1943) // Большевик. — 1944. — № 7–8. — С. 14–19.
15. От редакции / История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. — Т. I. — М., 1940. — 492 с.
16. Павлов А. Т. Философия в Московском университете. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. — 286 с.
17. Светлов В. И. О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии // Вестник АН СССР. — 1944. — № 7–8. — С. 23–29.
18. Смирнова З. В. Дискуссия 1947 года и проблемы истории русской философии // Отечественная философия: опыт, проблемы, перспективы исследования. — М., 1991. — Вып. 6. — С. 30–36.
19. Сондерс Ф. С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. — М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2020. — 416 с.
20. Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. — М.: Материк, 2005. — 768 с.
21. Черняев А. В. Перед лицом исторических вызовов: деятельность советских философов в годы Великой Отечественной войны // Вопросы философии. — 2020. — № 12. — С. 175–181.